

minibo**OK**

ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕР

**ФРЭНИ
И ЗУИ**

**Москва
2016**

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С97

J. D. Salinger
FRANNY AND ZOOEY

© 1955, 1957, 1961 by J. D. Salinger
Copyright renewed 1983, 1985 by J. D. Salinger

Оформление серии А. *Старикова*

Сэлинджер, Дж. Д.
С97 Фрэнни и Зуи / Дж. Д. Сэлинджер ; [пер. с англ. М. В. Немцова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 128 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-91026-7

Писатель-классик, писатель-загадка, на пике карьеры объявивший об уходе из литературы и поселившийся вдали от мирских соблазнов в глухой американской провинции. Его книги, включая культовый роман «Над пропастью во ржи», стали переломной вехой в истории мировой литературы и сделались настольными для многих поколений бунтарей: от битников и хиппи до представителей современных радикальных молодежных движений.

Повести «Фрэнни» и «Зуи» по праву входят в золотой фонд всемирной литературы.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Немцов М., перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91026-7

Чуть ли не в духе Мэтью Сэлинджера¹, возраст один год, когда он навязывает сотрапезнику остывшую лимскую фасолину за обедом, я побуждаю своего редактора, наставника и (да помогут ему небеса) ближайшего друга Уильяма Шона², *genius domus*³ «Нью-Йоркера», любителя несбыточных ставок, покровителя неплодовитых, защитника безнадежно цветистых, неразумно скромнейшего из прирожденных редакторов-художников, принять эту довольно тошную на вид книжицу.

¹ Мэтью Сэлинджер (р. 1960) — сын Дж.Д. Сэлинджера и Клэр Дуглас, ныне американский актер телевидения, театра и кино (в частности, известный заглавной ролью в фильме «Капитан Америка», 1991).

² Уильям Шон (1907—1992) — главный редактор (1952—1987) журнала «Нью-Йоркер».

³ Гений дома (*лат.*), дух-хранитель домашнего очага.

ФРЭННИ

Хотя ярко светило солнце, субботнее утро опять требовало пальто — не плаща, как всю неделю, когда надеялись, что на важных выходных, когда играет Йель, погода будет такая же. Из двадцати-с-чем-то молодых людей, ожидавших на вокзале прибытия своих девушек поездом в десять-пятьдесят-две, только шесть-семь стояли на холодной открытой платформе. Остальные толпились простоволосыми дымными кучками в натопленном зале ожидания и беседовали так, что голоса их почти без исключения звучали школярски беспрекословно, точно каждый юноша, едва ему наставал черед вклиниться в беседу, прояснял раз и навсегда некий в высшей степени противоречивый вопрос, в коем весь остальной необразованный мир вызывающе — или же наоборот — барахтался много столетий.

Лейн Кутелл в плаще «Бёрберри»¹, к которому, видимо, была пристегнута теплая подкладка, стоял среди тех шести-семи на открытом перроне. Хотя, скорее, стоял с ними — и не с ними. Уже минут десять, а то и больше он старательно держался подальше от их беседы, спиной опирался на стойку с литературой «Христианской науки»², руки без перчаток держал в карманах. Кашемировый шарф свекольного цвета сбился у него на шее и почти не грел. Вдруг — и довольно рассеянно — Лейн извлек правую руку из кармана и стал поправлять шарф, но не

¹ «Бёрберри» — английская фирма элитной одежды и аксессуаров, основана в 1856 г.

² «Христианская наука» — протестантская секта, основанная Мэри Морс Бейкер Эдди (также Мэри Бейкер Гловер Эдди, 1821—1910) в 1866 г. сначала как движение, затем как самостоятельная церковь (1879). Основана на вере в духовное излечение от всех физических и духовных грехов и недугов с помощью Слова Христова.

успел — передумал, той же рукой достал письмо из внутреннего кармана пиджака. И тут же принялся читать, не вполне закрыв рот.

Письмо было написано — отпечатано — на бледно-голубой почтовой бумаге. Вид у него был потертый, несвежий, словно из конверта его уже не раз извлекали и перечитывали:

Наверно вторник

Дорогой мой Лейн,

даже не представляю сумеешь ты это расшифровать или нет потому что гвалт в общаге какой-то невообразимый и я даже не слышу о чем думаю. Поэтому если я что-то напишу неправильно будь так добр по-доброму не обрати внимания. Кстати я послушалась твоего совета и в последнее время часто общаюсь к словарю, поэтому если стиль испортился ты виноват. В общем я только что получила твое прекрасное письмо и люблю тебя вдребезги, до безумия и т.д., жду не дождусь выходных. Жалко что не получится поселить меня в Крофт-Хаусе, но мне вообще-то все равно где жить только бы там было тепло и без клопиков и мы виделись бы время от времени, т.е. каждую минутку. Я в последнее время схожу т.е. с ума. Я совершенно обожаю твое письмо, особенно часть про Элиота. Наверно я уже смотрю свысока на всех поэтов кроме Сафо. Я ее читала как безумная, и, пожалуйста, без пошлостей. Семестровую я может даже буду писать по ней если пойду на отличие и заставлю согласиться на такое этого недоумка которого мне назначили руководителем. «Киферея, как быть? Умер — увы! — нежный Адонис! Бейте, девушки, в грудь, платья свои рвите на части!»¹ Изумительно же правда? И она все время так. Ты меня любишь? Ты в своем ужасном письме ни разу не сказал. Я тебя ненавижу когда ты безнадежно весь такой из себя мужчина и неконтактный (так пиш.?). Ну не совсем ненавижу а по складу своему против сильных молчаливых мужчин. Не то чтобы ты сильный но ты меня понял. Тут уже такой гам я даже не слышу о чем думаю. В общем я тебя люблю и хочу отправить тебе это срочной почтой чтобы ты заранее получил если только найду марку в этом дурдоме. Люблю люблю люблю. А ты вообще знаешь что я с тобой за одиннадцать месяцев танцевала всего дважды? Не считая того раза в «Авангарде» когда ты был такой зажатый. Я наверно буду безнадежно стесняться. Между прочим я тебя убью если там гостей пропускать будут по очереди. До субботы, мой цветочек!!!

Люблю тебя очень,

ФРЭННИ XXXXXXXXX XXXXXXXXX

¹ Пер. В. Вересаева.

П.С. Папа получил из больницы рентгены и нам всем стало сильно легче. Это опухоль но не злокачественная. Я вчера вечером поговорила с мамой по телефону. Между прочим она передает тебе привет, поэтому насчет той пятницы можешь расслабиться. Вряд ли они даже слышали как мы вечером зашли.

П.П.С. В письмах тебе я наверно выгляжу такой неумной и придурочной. Почему? Разрешаю тебе проанализировать. Давай попытаемся в эти выходные изумительно провести время. То есть не будем пытаться в кои-то веки проанализировать все до смерти, если можно, особенно меня. Люблю тебя.

ФРЭНСИС (ее знак)

Лейн на сей раз дошел почти до середины письма, когда его прервал — к нему вторгся, перешел его границу — дородного сложения юноша по имени Рэй Соренсон: ему хотелось выяснить, в курсе Лейн, о чем пишет этот гад Рильке, или как. И Лейн, и Соренсон ходили на «Современную европейскую литературу 251» (только для старшекурсников и дипломников), и на понедельник им задали четвертую «Дуинскую элегию». Лейн знал Соренсона только шапочно, однако лицо и поведение этого типа его смутно и недвусмысленно отталкивали, и он теперь убрал письмо и ответил, что не знает наверняка, но думает, что по большей части в курсе.

— Везуха, — сказал Соренсон. — Счастливый ты. — В голосе его звучал минимум живости, точно Соренсон подошел от скуки или раздражения, а не ради нормального разговора. — Господи, какая холодрыга, — сказал он и вытащил из кармана пачку сигарет. Лейн заметил вытертый — но глаз цеплял — след губной помады на лацкане Соренсенова верблюжьего пальто. Наверняка он там уже много недель, а то и месяцев, но с Соренсоном Лейн знаком не то чтобы очень, не тыкать же в это носом, — да и, говоря вообще, Лейну плевать. Кроме того, подходил поезд. Юноши повернулись как бы полувлево, к локомотиву. Почти сразу двери зала ожидания с грохотом распахнулись, и те, кто грелся внутри, повалили навстречу поезду: при этом казалось, будто у большинства в каждой руке минимум по три зажженные сигареты.

Когда поезд начал тормозить, Лейн и сам закурил. Затем, уподобляясь многим, кому, быть может, стоит выдать лишь весьма условное разрешение на встречу поездов, попробовал слить с лица какое бы то ни было выражение, что могло просто-напросто — и даже, наверное, живописно — выдать, как он относится к той, кого встречает.

Фрэнни вышла из поезда в числе первых — из вагона у дальнего, северного конца перрона. Лейн ее заметил сразу же, и, что бы ни пы-

тался он сделать со своим лицом, рука его, что взметнулась ввысь, явила всю правду. Фрэнни эту руку — и его самого — заметила и преувеличенно замахала в ответ. На ней была шубка из стриженного енота, и Лейн, зашагавший к девушке быстро, однако с медленным лицом, подавляя возбуждение, рассудил, что он тут один, кто поистине *знает* шубку Фрэнни. Он вспомнил, что как-то раз в занятой у кого-то машине, нацеловавшись с Фрэнни за полчаса или около того, он чмокнул и отворот ее шубки, словно тот был совершенно желанным, живым продолжением Фрэнни.

— Лейн! — Она приветствовала его сердечно — уж ей-то ничего не пришлось напускать на лицо. Обхватила юношу руками и поцеловала. То был вокзальный поцелуй — сначала достаточно спонтанный, но в продолжении своем довольно сдержанный, отчасти вроде с неким даже взаимосталкиванием лбами. — Ты получил мое письмо? — спросила она и добавила почти без передышки: — Ты же почти совсем задеден, беднекий. Почему не ждал внутри? Ты письмо получил?

— Какое? — спросил Лейн, подхватывая ее чемодан. Темно-синий, с белой кожаной обвязкой — как полдюжины других, что как раз выносили из вагонов.

— Ты не *получил*? Я отправила в *среду*. О боже! Я даже сама на почту его отнесла...

— А, это. Да. Багажа больше нет? Что за книжка?

Фрэнни перевела взгляд на свою левую руку. Она держала книжицу в горохово-зеленом матерчатом переплете.

— Эта? Ой, это просто, — ответила она. Открыла сумочку, впахнула туда книжку и двинулась за Лейном по долгому перрону к стоянке такси. Взяла Лейна под руку и говорила сама *почти* всю дорогу — если не *всю*. Во-первых, что-то насчет платья в чемодане, которое нужно погладить. Сообщила, что купила очень миленький такой утюжок, как из кукольного домика, но забыла взять его с собой. Сказала, что, похоже, знала всего трех девушек в поезде — Марту Фаррар, Типпи Тиббетт и Элинор-как-то, с которой познакомилась сто лет назад, еще в интернате — в Экзетере или где-то. А все остальные в поезде, сказала Фрэнни, на вид очень такие Смиты, кроме двух абсолютно из Вассара и еще одной *абсолютнейше* из Беннингтона или Сары Лоуренс¹. Та, что из

¹ Академия Филиппса в Экзетере — одна из наиболее известных и престижных школ-интернатов, находится в штате Нью-Хэмпшир, основана в 1781 г. Колледж (Софии) Смит — престижный частный колледж высшей ступени преимущественно для женщин в г. Нортхэмптоне, штат Массачусетс, основан в 1871 г. Колледж Вассара — престижный частный гуманитарный колледж высшей ступени в г. Покипси, штат Нью-Йорк, основан в 1861 г. как женский.

Беннингтона-Сары-Лоуренс, как будто всю поездку просидела в сортире — лепила, рисовала или еще что-нибудь, или как будто у нее под платье трико надето. Лейн, шедший как-то слишком уж быстро, пожалел, что не вышло устроить Фрэнни в Крофт-Хаус — это, конечно, было безнадежно, — но он зато определил ее в такое славное уютное местечко. Маленькое, но там чисто и все такое. Ей понравится, сказал он, и Фрэнни мгновенно представились мебелирашки, обшитые белой драпкой. В комнате три девушки, друг с другом не знакомые. Кто заселился первой, той и продавленная тахта, а остальным достанется двуспальная кровать с абсолютно невообразимым матрасом.

— Мило, — энергично сказала она. Иногда дьявольски трудно скрывать, как раздражает общая мужская неумелость, а в частности — неумелость Лейна. Ей вспомнился дождливый вечер в Нью-Йорке, сразу после театра, когда Лейн с подозрительным избытком тротуарного благородства позволил этому кошмарному дядьке в смокинге увести у себя из-под носа такси. Это-то еще ничего — то есть, *господи*, вот был бы ужас, если б она была мужчиной и ловила такси под дождем, — но она помнила этот кошмарный, очень злой взгляд, что Лейн бросил на нее, возвращаясь на свою тротуарную вахту. Теперь же, странно мучаясь от того, что вспомнила это и кое-что еще, Фрэнни пожалала локоть Лейна с напускной теплотой. Они сели в такси. Темно-синий чемодан с белой кожаной обвязкой отправился вперед, к водителю.

— Скинем там чемодан и прочее, прямо в дверях, а потом сходим поедем, — сказал Лейн. — Я помираю просто от голода. — Он подался вперед и сообщил водителю адрес.

— Ой как хорошо, что я приехала! — сказала Фрэнни, когда такси тронулось. — Я по тебе скучала. — Едва слова вылетели, она поняла, что вовсе не хотела так говорить.

И снова, угрызаясь, взяла Лейна за руку и туго, искренне сплела с ним пальцы.

Где-то через час оба сидели за сравнительно удаленным столиком в ресторане под названием «Сиклерз» — в центре, место крайне любимое главным образом интеллектуальной бахромой студенчества — более или менее теми же студентами колледжа, которые, учись они в

Беннингтонский колледж — частный колледж высшей ступени в г. Беннингтоне, штат Вермонт, основан в 1925 г. как экспериментальный гуманитарный колледж для женщин. Колледж Сары Лоуренс — престижный частный колледж высшей ступени в г. Бронксвилле, пригороде Нью-Йорка, основан в 1926 г. как женский колледж.

Йеле или Гарварде, как-то слишком уж ненароком не устраивали бы свои свидания в «Мориз» или «Кронинз»¹. «Сиклерз», можно сказать, единственный ресторан в городе, где стейки не «вот *такенной* толщины»: большой и указательный палец разводятся при этом на дюйм. «Сиклерз» — строго Улитки. «Сиклерз» — место, где студент и его подруга либо заказывают салатик оба, либо — как правило — оба не заказывают из-за чесночного соуса. И Фрэнни, и Лейн пили мартини. Когда минут десять-пятнадцать назад принесли бокалы, Лейн свой пригубил, затем откинулся на спинку и кратко обозрел зал с почти зримым довольством на лице: он оказался (свято, должно быть, веря, что этого никто не оспорит) в правильном месте с безупречно правильной на вид девушкой; она не только необычайно хороша собой, но и, что еще лучше, не относится слишком уж категорически к тем, которые в кашемировых свитерах и фланелевых юбках. Фрэнни заметила эту краткую маленькую демонстрацию и восприняла ее как таковую — не больше и не меньше. Но по некоему старому и еще крепкому договору со своей душой она предпочла устыдиться того, что заметила, — и уловила это, и приговорила себя слушать воспоследовавший монолог Лейна с особым подобием внимания.

Лейн же теперь вещал, как человек, который говорит без передышки уже добрую четверть часа и полагает, будто нащупал такой темп, когда голос ему больше не изменит.

— В смысле, если выразиться грубо, — говорил он, — ему, скажем так, не хватает теститулярности. Понимаешь? — Он риторически ссутулился, подаваясь к Фрэнни, своей внимательной слушательнице, и опираясь локтями по обе стороны мартини.

— Чего не хватает? — переспросила Фрэнни. Сначала пришлось откашляться — так долго она вообще не открывала рта.

Лейн помедлил.

— Маскулинности, — сказал он.

— Это я поняла.

— В общем, таков был лейтмотив всего, так сказать, — то, что я пытался довольно тонко очертить, — сказал Лейн, не отступая от общей линии своего монолога. — Ну в смысле, *господи*. Я честно думал, что все с треском провалится в тартарары, а когда получил назад с этим зверским «отл.» футов шести в высоту, клянусь, я чуть наземь не грохнулся.

¹ «М о р и з» («Mory's Temple Bar») — частный клуб неподалеку от кампуса Йельского университета, основан в 1849 г. «Кронинз» («Cronin's Bar») — один из любимых баров гарвардских студентов, до конца 1950-х гг. располагался на Гарвард-сквер.

Фрэнни еще раз откашлялась. Очевидно, свой срок неподдельного внимания она отсидела до конца.

— Почему? — спросила она.

Лейн вроде как-то сбился.

— Что почему?

— Почему ты думаешь, что все бы с треском провалилось?

— Я же только что сказал. Только что закончил. Этот Бругман — большой спец по Флоберу. Ну, по крайней мере, я так считал.

— А, — сказала Фрэнни. Улыбнулась. Отхлебнула мартини. — Великолепно, — сказала она, глядя на бокал. — Я так рада, что не двадцать к одному. Ненавижу, когда в них абсолютно только джин.

Лейн кивнул.

— В общем, кажется, работа у меня в комнате. Если на выходных получится, я тебе прочту.

— Великолепно. С удовольствием послушаю.

Лейн снова кивнул.

— В смысле, я ж не сказал ничего миропотрясающего, ничего такого. — Он поерзал на стуле. — Но... не знаю... мне кажется, я неплохо подчеркнул, из-за чего он так невротически цеплялся за *not just*¹. В смысле — с учетом того, что мы знаем сегодня. Не просто психоанализа и прочей белиберды, но определенно всего этого, до определенной степени. Понимаешь, да? Я никакой не фрейдист, но определенные вещи нельзя списать как просто фрейдистские с большой буквы. В смысле, до определенной степени, мне кажется, я был в полном праве отметить, что по-настоящему хорошие ребята — Толстой, Достоевский, Шекспир, елки-палки, — не цедили так слова, черт возьми. Они просто писали. Понимаешь? — Лейн глянул на Фрэнни с неким ожиданием. Ему казалось, она слушает с какой-то особой сосредоточенностью.

— Будешь оливку?

Лейн глянул на свой бокал, затем снова на Фрэнни.

— Нет, — холодно ответил он. — Хочешь?

— Если не будешь, — сказала Фрэнни. По лицу Лейна она поняла, что задала не тот вопрос. Что еще хуже — ей вдруг совсем расхотелось оливку и стало непонятно, зачем вообще спрашивала. Но когда Лейн протянул ей бокал, деваться было некуда — только принять оливку и

¹ Точное выражение (*фр.*). Французский писатель Гюстав Флобер (1821—1880), автор «Мадам Бовари» (1856), неоднократно заявлял о своем стилистическом перфекционизме и поисках «нужного слова».

с нарочитым удовольствием употребить. Затем Фрэнни достала из пачки Лейна сигарету, он дал ей огня и закурил сам.

После запинки с оливкой над столом повисло краткое молчание. Лейн его нарушил — лишь потому, что просто не умел не досказать анекдота.

— Этот Бругман считает, что мне надо эту зверскую работу опубликовать, — выпалил он. — Но я не знаю. — Потом, будто неожиданно вымотался — или, скорей, его истощили те запросы, что мир, жадный до плодов его интеллекта, к нему предъявляет, — он принялся ладонью растирать себе лицо с одной стороны, по ходу неосознанно и бесстыдно смахнув из уголка глаза слезу. — В смысле, критики по Флоберу и прочим парням — до черта, по дюжине за дайм. — Он подумал, как-то чуточку угрюмо. — Вообще-то, мне кажется, по нему не было по-настоящему изобличительных работ последние...

— Ты говоришь, как практикант. Вылитый.

— Извини? — с выверенным спокойствием поинтересовался Лейн.

— Ты говоришь, как вылитый практикант. Извини, но похоже. Честно.

— Да? И как же разговаривают практиканты, позволь осведомиться?

Фрэнни видела, что он раздражен — да еще как, однако в эту минуту, равно недовольная собой и злая на него, желала высказаться до конца.

— Ну, я не знаю, какие они тут, но у нас практикант — это такой человек, который ведет занятие, если нет постоянного преподавателя, или тот занят своим нервным срывом, или у стоматолога, или еще чего-нибудь. Обычно аспирант или как-то. В общем, если у тебя курс, скажем, по русской литературе, он заходит — в рубашке с воротничком на пуговках и полосатом галстуке — и давай где-то полчаса шпынять Тургенева. Затем, покончив с этим, совершенно *похоронив* для тебя Тургенева, принимается за Стендаля, или о ком он там пишет свою магистерскую. У нас на филологии где-то с десяток мелких практикантов бегают повсюду и вот так всех хоронят — они такие блистательные, что и рта не раскроют, извини за противоречие. То есть, начнешь с ними спорить, так у них столько *снисходительности* на...

— Какая, к черту, муха тебя сегодня... ты чего, а? Что с тобой вообще?

Фрэнни смахнула пепел с сигареты, затем придвинула пепельницу на дюйм поближе.

— Извини. Я просто ужас, — сказала она. — Я всю неделю такая вредная. Жуть. Я кошмарная.

— Но письмо ж у тебя совсем не вредное.